

© 2006 г. Л.А. ШЕРБАКОВА

ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ СТЫКА МОРФЕМ И СЛОВ (О ДЕЛИМИТАТИВНОЙ ФУНКЦИИ ГОРТАННОЙ СМЫЧКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

Данная работа является одной из первых попыток исследования проблемы делимитации и рассматривается фонематическая сущность гортанного смычного согласного (гортанной смычки, кнаклаута), а также история его изучения в русском языкознании в связи с разными стилями произношения. Гортанная смычка впервые трактуется как физический субстрат пограничных сигналов в позиции между предлогом с консонантным исходом и следующим словом с вокалическим началом.

А.А. Потебня, разбирая сочинение своего современника П.И. Житецкого “Очерк звуковой истории малорусского наречия” (Киев, 1876 г.) обратил внимание на следующее: «Мнѣ кажется вѣрнымъ, что мы *слухомъ* различаемъ “съ Анной (с’Анной) и санный”, “съ умá и сумá”, “изъ усть и изустный”, “разъ огрѣть и разогрѣть”. Есть ли это глухой звукъ? И да, и нѣтъ. Да, въ смыслѣ того минимума гласности, без котораго “согласная эксплозивная на концѣ” немогла бы быть произнесена; нѣтъ – в смысле глухого, образующаго слогъ» [Потебня 1879: 61].

Что же это за “глухой звук”, о котором писал А.А. Потебня? Рискнем предположить, что в качестве такого звука в данной позиции может выступать так называемая гортанная смычка или кнаклаут¹ – глухой согласный звук, образующийся в гортани, когда воздух проходит через сомкнутые и резко размыкающиеся связки. Именно об этом звуке, точнее о его осмыслении в описываемой позиции и выполнении им в данном случае разграничительной (делимитативной) и смыслоразличительной функций, и пойдет речь в данной статье.

Проблема разграничения фонетических слов-паронимов, одно из которых является единым словом, а другое сочетанием предлога и значимого слова, начинающегося с гласного типа ‘с *Анной* – *санной* после работы А.А. Потебни и вне связи с ней неоднократно поднималась лингвистами. Все они констатировали присутствие в языке интересного явления, и каждый из них по-своему объяснял его.

Спустя полвека после публикации работы А.А. Потебни Е.Д. Поливанов сделал своеобразные и очень, с нашей точки зрения, значимые наблюдения. Именно он впервые услышал и осознал гортанную смычку в описываемой позиции в русском языке. Анализируя пример *к отцу*, он пишет о звукопредставлении (так он называл фонему) гортанного взрыва как о явлении, являющемся «не чуждым даже русскому языку, по крайней мере, произношению уроженцев Прибалтики, примером чего может служить мой соб-

¹ Другие названия этого звука – гортанный взрыв, гортанный смычный, гортанный приступ, сильный приступ, а также английское *glottal stop* и французское *coup de glotte*. Обзор существующих работ о гортанной смычке русского языка и употребляющихся ее названий представлен у И.Г. Добродомова [Добродомов 2002]. В лингвистических работах существует несколько значков для обозначения этого звука, в частности, апостроф, знак арабской графики хамза и знак вопроса без точки; в данной статье (в том числе иногда в цитатах!) мы будем обозначать его значком ?.

ственный (Е.П.) индивидуальный говор. Именно, м. б. под влиянием немецкого языка, на котором я говорил в детстве, в словах с начальным гласным я нормально употребляю [ʔ]; когда же перед основой такого слова имеется согласный предлога (к, от и т. п.), гортанный смычный [ʔ] оказывается принципиальной границей между данным согласным и началом основы; получаются, таким образом, своего рода “г а м з и р о в а н н ы е” согласные: [kʔas:u] = “к отцу”, [atʔas:a] = “от отца” и т. д. В таких же случаях, как “в ад”, “в атаманы”, этот *coup de glotte* [ʔ], действуя как и прочие глухие согласные, оглушает собою (при медленном произношении, ибо в быстрой речи это [ʔ] я часто опускаю) предшествующее *v* предлога (или “префикса”): [fʔat, fʔatamanu]» [Поливанов 1928: 90].

В том же примере к *отцу* существование гортанного смычного отмечал А.А. Реформатский, не связывая это с Прибалтикой и немецким влиянием: “В русском произношении гортанный приступ может возникать лишь при искусственном <? – Л.Ш.> отделении предлога, заканчивающегося согласным, от существительного, начинающегося гласным: *к/отцу*” [Марузо 1960: 80, прим. ред. 2].

С нашей точки зрения, наблюдения Е.Д. Поливанова над своим произношением фактически имеют значимость для русского языка в целом.

Сразу хотелось бы остановиться на термине “искусственный”, употребляемом А.А. Реформатским. Нам кажется уместным вспомнить здесь давние соображения Л.В. Щербы о стилях произношения, который говорил, что следует различать для простоты всего два стиля: “один – свойственный спокойной беседе людей, и другой – который мы употребляем, когда по каким-либо причинам хотим сделать нашу речь особо отчетливой, для чего мы ясно артикулируем все слоги каждого слова: первый мы будем называть разговорным стилем, второй – полным, так как в нем обнаруживаются такие фонетические свойства слова, которые в условиях обыкновенной речи так или иначе скрадываются. *Я-зы-ка-вы-е а-сб-бе-нна-сти* полного стиля превращаются в “з”кавы” асббннст” разговорного” [Щерба 1957а: 21].

Таким образом, разговорной речи Л.В. Щерба противопоставляет полный, как бы “идеальный” стиль произношения. Не о нем ли говорит А.А. Реформатский, обозначая его термином “искусственный”? Подтверждает эту догадку описание полного стиля, приводимое Л.В. Щербой: говоря идеально, мы “произносим ясно, отчетливо, отчеканивая каждый слог... освобождаем наше произношение по крайней мере от действия наиболее деструктивных факторов – от влияния ударения, соседства и инертности органов произношения” [Щерба 1957б: 22]. Более того, описанные “деструктивные факторы” ученый квалифицирует как заставляющие “нас, п о м и м о н а ш е й в о л и” [Щерба 1957б: 22] употреблять разговорные варианты. Следовательно, одной из основных характеристик полного стиля является присутствие и продуктивное выражение человеческой воли при говорении, что вполне можно определить как искусственность, которую, однако, нельзя отождествлять с малоупотребительностью: “Может показаться, что слушаев, когда проявляется идеальный фонетический состав слов, очень мало. Это неверно. Мы всегда так произносим, когда употребляем редкое, для собеседника малоизвестное слово, когда говорим из другой комнаты, когда говорим занятому, рассеянному, тугоухому и т. п., когда поправляем детей, когда хотим привлечь внимание на то или другое слово или даже часть его (когда для понимания смысла фразы важен тот или другой морфологический элемент), когда тянем слова в недоумении или удивлении, когда говорим нараспев или попросту поем и т.д., и т.д.” [Щерба 1957б: 22–23].

Итак, “искусственность” разделения предлога и следующего за ним слова гортанной смычкой оказывается вовсе не такой уж искусственной и редкой.

Вслед за Е.Д. Поливановым на наличие гортанного взрыва в той же позиции указывал А.М. Сухотин, комментируя раздел о гортанной смычке в книге Э. Сепира “Язык”, опубликованной в 1934 году: «“Гортанный взрыв” (по-английски *glottal stop*, по-французски *coup de glotte*, у нас его иногда называют арабским термином “хамза”), “в качестве интегрального элемента речи”, как выражается Сепир, а как мы бы сказали – в качестве “фонемы”, встречается также в арабском языке, а из языков СССР в некоторых кавказских (чеченском, аварском, даргинском и других). В русской речи, как и в англий-

ской, он фонемой не является, но все же иногда может попадаться, напр. в конце отрывисто произнесенного *да!* или напр. при чрезмерно тщательном произнесении *от этого*, когда между *т* и *э* <на стыке предлога и местоимения – *Л.Щ.*> слышится легкая задержка» [Сепир 1934: 185–186].

Наличие гортанной смычки между консонантным предлогом и вокалическим началом следующего самостоятельного слова отмечается иногда даже в некоторых учебниках, хотя и непоследовательно: ее “можно услышать, если постараться различить произношение словосочетаний *письмо о Тани* и *письмо от Ани*. Во втором случае после [t] ясно слышен гортанный смычный” [Шайкевич 1995: 24].

Наконец, одной из последних интересных для нас работ является статья И.Г. Добродомова “Беззаконная фонема /ʔ/ в русском языке”, в которой автор собрал и прокомментировал отмеченные в литературе случаи употребления гортанного смычного, обращаясь, в частности, к примеру минимальной пары *суженый* – *суженный* или в старой орфографии *суженый* – *сѹженный* (а также *с’уженный*) [Добродомов 2002: 48].

Возвращаясь к работам предшественников, стоит отметить, что на другой пример наличия гортанного смычного в русском языке обратил внимание О. Брок в 1910 году. Он заметил, что исследуемый нами звук свойственен междометиям *ах*, *эх*: “Изъ великорусской рѣчи достаточно указать на частое явление крѣпкаго приступа въ восклицаніяхъ какъ эхъ! ахъ! (‘ех, ‘ах) и под.” [Брок 1910: 137].

В 20-е годы XX века проблеме гортанного смычного было уделено особое внимание двумя известными русскими лингвистами: Н.Н. Дурново и А.М. Селищевым.

Н.Н. Дурново слышал гортанную смычку в русском произношении и признавал этот звук характерным для русского литературного языка. Описывая гортанные звуки, он писал следующее: “Сюда в великорусском литературном произношении относится только гортанный взрыв, которым начинаются слова с начальными гласными в начале речи и после гласных; в середине речи после согласных предыдущего слова этот взрыв в русском языке отсутствует, да и в других положениях он очень слаб” [Дурново 1924: 51–52].

Такое утверждение Н.Н. Дурново было оспорено другим русским филологом – А.М. Селищевым. Он считал, что «великорусский зачин начального гласного не имеет гортанного приступа... этот приступ “тихий”, но не “крепкий” и не фрикативный. Только в отдельных словах, как *ах!* *эх!*, находится крепкий приступ» [Селищев 1968: 172–173].

Однако наличие такого звука, именуемого эмфазой, А.М. Селищев приписывает праславянскому языку: “Некоторые слова произносились в начале слова с эмфазой... При эмфазе начальный гласный слова произносился так: перед его артикуляцией гортань закрывалась; струя воздуха взрывала препятствие в гортани и вслед за этим она (струя воздуха) производила вибрацию голосовых связок. Этой вибрации предшествовал гортанный приступ” [Селищев 2001: 219].

Очень интересно относительно исследуемой нами проблемы высказывался Н.С. Трубецкой. Признавая за гортанным взрывом возможность осуществления делимитативной функции, т.е. функции разграничения, указания границы между двумя единицами (словами, морфемами и т.д.), скажем, в немецком языке (“Другие признаки звука выполняют разграничительную, или делимитативную, функцию; они указывают границу между двумя единицами (устойчивыми словосочетаниями, словами, морфемами); сюда относится, например, сильный приступ в начальном гласном в немецком языке” [Трубецкой 2000: 35]), лингвист почему-то отказывает этому звуку в возможности выполнения делимитативной функции в русском и английском языках. Н.С. Трубецкой приходит к выводу о том, что в описываемой позиции в русском и английском языках проявляется действие так называемых групповых пограничных сигналов, то есть такого сочетания звуков, которое в данном языке жестко сигнализирует о наличии (положительные пограничные сигналы) или отсутствии (отрицательные пограничные сигналы) границы между морфемами или словами в каждом конкретном случае. Вот, как он анализирует исследуемую нами позицию в русском языке: «В русском языке (так же как в немецком

и английском) противоположение палатального и велярного к является афонематическим: перед *e*, *i* звук *k* произносится как палатальный, а во всех прочих положениях – как велярный. Это правило, однако недействительно за пределами слова. Если одно слово оканчивается на *k*, а другое рядом стоящее начинается с *e* или *i*, то *k* остается велярным, а гласные *e*, *i* оказываются соответственно сдвинутыми назад (*e* > *E*, *i* > *u*), например: “к этому” произносится *ketəm̩* (но “кета” произносится *k'etä*); “мог это” произносится *mokeä*, “к избам” произносится *kuizbəm* (но “кис бы” произносится *k'izby*), “друг и приятель” произносится *drükij gr'ijæt'il*, (но “руки приятеля” – *rukij gr'ijæt'il'ä*). Таким образом, сочетания *ke*, *ki* в русском языке являются групповыми сигналами, указывающими на наличие границы слов между фонемой *k* и следующими за ней гласными *e*, *i*. Перед *e* внутри морфемы в русском языке возможны только палатализованные согласные, в результате чего в этом положении корреляция по палатализации нейтрализуется, но если перед *e* пролегает морфологическая граница, то предшествующий согласный может не смягчиться; ср. “с этим”, “из этого”, “в этом”, “под этим”, “от этого”... где отсутствие палатализации перед *e* является афонематическим групповым сигналом» [Трубецкой 2000: 294–295].

Объясняя различие в произношении внутри морфемы и на границе морфем наличием групповых пограничных сигналов, Н.С. Трубецкой, однако, ничего не говорит о том, почему собственно на границе слов появляются эти самые сигналы. И если такое объяснение не обязательно в отношении двух значимых слов, то в отношении предлога и следующего за ним значимого слова – просто необходимо, ведь предлог и следующее за ним значимое слово представляют собой одно фонетическое слово, а значит, никаких пограничных сигналов возникать не должно.

С нашей точки зрения, во всех, приведенных Н.С. Трубецким примерах, имеет место присутствие в разном виде гортанного смычного на границе между предлогом и следующим словом, или между двумя значимыми словами. Причем наблюдения Н.С. Трубецкого о важности изменения качества начальных гласных *e*, *i* в позиции начала слова абсолютно верны, но только лишь для беглого (разговорного) стиля. Дело, по нашему мнению, в том, что кнаклаут проявляется и может быть услышанным, но только в полном стиле в качестве полноценной гортанной смычки, а в разговорном стиле за счет общей скорости и редукции речи собственно смычка исчезает, но оставляет в качестве следа своего присутствия измененное качество следующего гласного звука (*e*, *i* сдвигаются назад ближе к гортани > *e*, *y*).

Здесь, между прочим, интересно сделать небольшой исторический экскурс. О произношении “сочетания *ъ* и *и*” писал еще Н.И. Греч: “Если за предлогомъ, оканчивающимся полугласною буквою *ъ*, слѣдуетъ слово, начинающееся гласною *и*, то обѣ сии буквы произносятся какъ двугласная *ы*; наприкладъ, слова: въ иномъ, съ Ивановъ, предъидущій произносятся: *выномъ, сываномъ, предъидущій*” [Греч 1834: 17, 419, 478].

П.Я. Черных писал о том, насколько велика была зависимость орфографии в древнерусском языке от произношения, и приводит следующий пример: “Изменение *и* в *ы*. Начальный гласный *и*, оказавшись после выпадения *ъ* в непосредственном соседстве с предшествующим твердым согласным, с XIII–XIV вв. стал вытесняться гласным *ы*. В современном русском литературном произношении сюда относятся такие случаи, как: *ыгблкой, в ызбу, от ыи' ын' и*; также *розыгрыш, атыскат'* и пр. По правилам нашей орфографии такое *ы* в письменном языке допускается только внутри слова, в словах с приставками: *розыгрыш, сыграть, отыскать*... В старой письменности этого правила еще не существовало, и написание *ы* вместо *и* там встречается не только после приставок, но и после предлогов... Условия этого изменения пока еще не выяснены В Уложении 1649 г. *ы* вместо *и* употребляется только после определенных предлогов, главным образом *в* и *с*: *в ыное* государство, *с ыноземцы* и т. д.; его никогда не наблюдается в местоимении *ихъ, имъ* и пр.: ...не наблюдается этого *ы* также после *з, к, х*: *к иному* и т. д.” [Черных 1954: 112].

Последнее замечание П.Я. Черных особенно заинтересовало нас. Почему не происходило на письме изменения *и* в *ы* именно после согласных, изначально являвшихся всегда твердыми? Сам по себе этот факт свидетельствует о том, что достаточно длительное время (по крайней мере до середины XVII века) произношение (мы склонны в данном случае полностью доверять выводу П.Я. Черных о прямой зависимости между произношением и письмом) сочетания *к* и *и* на морфологической границе оставалось неизменным – твердый *к* и гласный переднего ряда *и*. Но подобная артикуляция невозможна без паузы. А ведь именно о таком “перерыве дыхания” и писал Э. Сепир, характеризуя гортанный взрыв [Сепир 1993: 61]. Исходя из этого, можно предположить следующее: в древнерусском языке всегда твердые *к*, *г*, *х* отделялись от гласного переднего ряда *и* ерами и гортанной смычкой; после падения еров именно гортанная смычка не допустила в речи палатализации *к*, *г*, *х*, сохраняя таким образом элементы существовавшей фонетической системы. Возможность и удобство использования именно гортанной смычки в качестве актуализации “фонологически требуемого” явления описывал Э. Сепир в своей работе “Фонетика и фонология”, говоря, что “Гортанная смычка – это согласный, наиболее неопределенный и незначимый для уха англичанина и американца <в английском языке, как и в русском, наличие гортанного смычного в качестве фонемы пока отрицается – Л.Ш.>”, а потому, именно этот звук “замечательно подходит” [Сепир 1993: 312].

Если все изложенное нами относительно истории звуков *к* и *і* в пограничной позиции верно, то остается один вопрос: где же располагалась гортанная смычка – после согласного на конце предлога, или перед гласным в начале следующего слова?

На данный момент ученые в основном сходятся во мнении, что в языках, где гортанная смычка не является самостоятельной фонемой (пока русский язык относится наукой к числу таких языков), она чаще всего “выступает как дополнительная артикуляция, сопровождающая гласные звуки” [Матвеев 1995: 96].

Это предположение подтверждает еще один исторический экскурс. П.Я. Черных пишет, что некоторые гласные не были возможны в начале слова и слога. К таковым относились в частности *а* и *е* (э), так как достаточно рано перед ними развились *ј* или неслоговое *и*, например, *ягненок* [ja], *ель* [j'e]. “Местоименный элемент *е* (э) в *этом* и т.п. первоначально звучал, как полагают, с гортанным звонким придыханием: *һэ*, как звучит он в современном белорусском” [Черных 1954: 75]. Этот вывод П.Я. Черных позволяет нам сделать предположение о том, что гортанная смычка – один из вариантов дополнительной артикуляции перед начальным гласным, существующей в различных видах во многих языках (гортанная смычка, гортанное звонкое придыхание, собственно хамза и т.д.); появление такой артикуляции в русском языке, как и во многих других, обусловлено, по-видимому, исторически.

Возвращаясь к работе Н.С. Трубецкого, следует заметить, что он – не единственный, кто считает, что особенное произношение пограничных звуков обусловлено именно их “пограничностью”.

Одним из наиболее ярких примеров в этом отношении может служить “парадокс Гвоздева” – различие в произношении пары *К Ире* – *Кире*, впервые отмеченное Р.И. Аванесовым [Аванесов 1937] и подробно обсужденное А.Н. Гвоздевым² и А.А. Реформатским, который, интерпретируя различие в произношении пары *к Ире* – *Кире*, пишет о том, что здесь “состав фонем тот же”, но «в случае *к Ире* фонема [к] в сильной позиции (конец слова, пусть служебного), а фонема [и] – в слабой (после твердой согласной, где [и] аккомодирует предшествующему соседу и “переходит” в [ы]), а в *Кире* – наоборот: фонема [и] в сильной позиции (после мягкой согласной), а фонема [к] в слабой (перед [и]).

² Подробно история рассмотрения учеными и разъяснения различия этой пары уже излагалась [Щербакова 2004: 21–28].

Тем самым не только фонемы, но и *позиции* <курсив наш – Л.Щ.> соотнесены со смысловаразличением...» [Реформатский 1957: 101].

Итак, А.А. Реформатский считает, что в данном случае “позиции разные” [Реформатский 1957: 101].

Возражая против наличия в русском языке нового смысловаразличителя-п о з и ц и и, наряду с традиционным смысловаразличителем-ф о н е м о й, А.Н. Гвоздев обосновывает свою точку зрения большим количеством примеров, где позиция – та же, но различия между сочетанием предлога + следующего за ним слова и одним знаменательным словом, сходными или тождественными по звучанию, не происходит. Например: “К Оле – Коле, с утки – сутки, к rose – красе, с лова – слова, в арку – варку, о пушке – опушке, а также об утке – о будке” [Гвоздев 1957: 60]. А.Н. Гвоздев делает вывод о том, что “Омонимизм этих пар показывает, что граница между предлогом и словом не получает самостоятельного выражения фонетическими средствами” [Гвоздев 1957: 60].

По-своему пытался объяснить отличие пограничных звуков от внутриморфемных и внутрисловных М.В. Панов. Не посягая, в отличие от своего учителя, на целостность фонетического слова (вспомним фразу А.А. Реформатского о сильной позиции [к] в конце предлога: “конец слова, пусть служебного”), М.В. Панов вводит новую суперсегментную единицу “диэрему” – сигнал, призванный объяснить основные нарушения фонетических законов в русском языке. Он пишет: “Диэрема – пограничный сигнал. Эта странная единица, но что поделать, она – есть. Без нее нельзя верно охарактеризовать фонетическую систему” [Панов 1979: 168]. Для обозначения диэремы М.В. Панов вводит специальный значок – #. Ученый выделяет следующие типы диэрем: 1) диэрема “межсловная” (Д-1); 2) диэрема “между полнозначным словом и служебным, частицей или предлогом” (Д-2); 3) диэрема, “разграничивающая морфемы внутри слова” (Д-3); 4) антидиэрема, “присутствующая там, где ничем не осложнены внутриморфемные закономерности” (Д-4) [Панов 1979: 170]. Одной из характерных черт Д-2 является устранение ограничений в сочетаемости твердых и мягких согласных, в том числе: “В середине слова перед [э] может быть только мягкий заднеязычный: руке, ноге... Но бывает не так, если между заднеязычным и [э] проходит Д-2: <к#тому> = [кэ́тму]” [Панов 1979: 170]. Если же стык предлога и следующего за ним слова никак не отличается от обычной внутриморфемной артикуляции, М.В. Панов предлагает считать диэрему нейтрализованной антидиэремой, встречающейся “там, где ничем не осложнены морфемные закономерности” [Панов 1979: 171].

На современном этапе в науке есть и несколько новых точек зрения на вопрос об особенностях пограничных звуков по сравнению с непограничными. Одна из них – сообщения В.Б. Касевича, предлагающего вести речь о “фонологическом пограничном сигнале” – паузе [Касевич 2002: 9]. Анализируя пример *собаку видел*, он пишет о том, что различие между *собаку видел* и *собак увидел* можно относить на счет гортанного смычного /ʔ/ или же постпаузального аллофона /ʉ/ – /ʔʉ/. Однако фонемами он ни /ʔ/, ни /ʔʉ/ не признает и в данном случае считает смысловаразличителем паузу. Уже упоминавшийся нами И.Г. Добродомов в данном случае предлагает, рассматривая сочетание *собаку видел*, вести речь не только о вариантах *собаку видел* и *собак увидел*, но также *собаку?увидел*.

М.Л. Каленчук возвращается к спору А.А. Реформатского и А.Н. Гвоздева и успешно разрешает его, вводя понятие “делIMITативной позиции” – позиции “стыка между значимыми единицами языка (морфемами и словами)”, являющейся “особого рода фонетической позицией” [Каленчук 2002: 29]. При этом М.Л. Каленчук предлагает различать делимитативно сильную позицию, в которой фонема разграничивает морфемы и слова, и делимитативно слабую позицию, в которой “делIMITация не осуществляется, фонемы ведут себя одинаково и внутри значимых единиц, и на их границах” [Каленчук 2002: 29].

Эта последняя точка зрения, на первый взгляд, разрешает все споры. Однако, если повнимательнее присмотреться к примерам анализируемой нами позиции, мы поймем, что делимитативно сильными могут быть только диэремы перед гласными фонемами <и> и <е>.

Объясняется такое явление, с нашей точки зрения, достаточно просто, однако, чтобы разобраться в этом, нам придется вернуться к утверждению о том, что в позиции между консонантным исходом предлога и вокалическим началом следующего слова появляется гортанная смычка, а также сделать поправку на стили произношения. Как мы помним, гортанную смычку ученые слышали исключительно в полном (по определению Л.В. Щербы) стиле. Ученые же, чьи работы рассматривались в нашей статье (за исключением И.Г. Добродомова), сделали предметом своего изучения лишь разговорный стиль произношения. В разговорном же стиле, как мы уже писали, гортанная смычка исчезает за счет темпа речи, оставляя после себя следы – продвинутые назад и вниз гласные *и*, *е* > *ы*, *э*. Они как будто стремятся расположиться ближе к гортани, там, где должна была образоваться гортанная смычка. В полном же стиле произношения мы четко, с небольшой паузой, артикулируем: *к Ире* – [кʲи], *к этому* [кʲе].

Что же касается примеров делимитативно слабой позиции, то в полном стиле произношения в них также четко слышен гортанный смычный: *к Оле* – [кʲо], *с утки* – [сʲу]. В разговорном же стиле в данных примерах с гласными происходит по сути то же самое, что с *и* и *е*: вследствие исчезновения гортанной смычки *а*, *о*, *у* продвигаются назад и вниз, однако русское ухо обычно не улавливает этих слабых изменений. Это происходит в связи с тем, что *и*, *е* – гласные переднего ряда в отличие от *а*, *о*, *у*; кроме того, играет значимую роль и различие в высоте резонаторного тона между *и*, *е* (более высокими), с одной стороны, и *а*, *о*, *у* (более низкими), с другой. Таким образом, в разговорном стиле произношения позицию между консонантным исходом предлога и словом, начинающимся с гласных *а*, *о*, *у* действительно можно считать делимитативно слабой. Учитывая сделанные поправки, таблицу делимитативных позиций для стыка предлога с консонантным исходом и следующего слова с вокалическим началом следует изобразить так³:

³ Паронимические пары приводятся в таблице для удобства. Основное отличие стыка слов в данных парах от обычного сочетания заключается в том, что в данных случаях гортанная смычка выполняет помимо делимитативной еще и сигнификативную (смыслоразличительную) функцию. Следует также обратить внимание на то, что в случаях, где проявляется делимитативно слабая позиция отношения между членами соотносительной пары являются уже не паронимическими, а омонимическими (члены этих соотношений можно считать омофонами и омофорами).

Полный стиль		Разговорный стиль	
Делимитативно сильная позиция Предлог + слово, начинающееся с любого гласного	Делимита- тивно слабая позиция –	Делимитативно сильная позиция Предлог + слово, начинающееся с гласных <i>и, е</i>	Делимитативно слабая позиция Предлог + слово, начинающееся с гласных <i>а, о, у</i>
<i>Кире</i> [к'и] – <i>к Ире</i> [к'и] <i>кета</i> [к'е] – <i>к этому</i> [к'е], [к'э] <i>сани</i> [са] – <i>с Ани</i> [с'а] <i>Коле</i> [ко] – <i>к Оле</i> [к'о] <i>сутки</i> [су] – <i>с утки</i> [с'у]		<i>Кире</i> [к'и] – <i>к Ире</i> [кы] <i>кета</i> [к'е] – <i>к этому</i> [кэ]	<i>сани</i> [са] – <i>с Ани</i> [са] <i>Коле</i> [ко] – <i>к Оле</i> [ко] <i>сутки</i> [су] – <i>с утки</i> [су]

Таким образом, несомненно, можно говорить о гортанной смычке как об особой единице речи и языка, выполняющей в позиции стыка предлога с консонантным исходом и вокалическим началом следующего слова делимитативную функцию, то есть выступающей в качестве разграничителя или пограничного сигнала. Наиболее четко это можно увидеть и проследить на примере паронимо-омонимических пар: знаменательного слова и сочетания предлога + следующего за ним слова, так как в этих парах именно делимитация обеспечивает смыслоразличение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов 1937 – *Р.И. Аванесов*. Вопросы русского литературного произношения // РЯШ. 1937. № 3.
Брок 1910 – *О. Брок*. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910.
Гвоздев 1957 – *А.Н. Гвоздев*. Обладают ли позиции различительной функцией? // ВЯ. 1957. № 6.
Греч 1834 – *Н.И. Греч*. Практическая грамматика русского языка. СПб., 1834.
Добродомов 2002 – *И.Г. Добродомов*. Беззаконная фонема /ʔ/ в русском языке // Проблемы фонетики. IV. Сб. статей / Отв. ред. Р.Ф. Касаткина. М., 2002.
Дурново 1924 – *Н.Н. Дурново*. Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924.
Каленчук 2002 – *М.Л. Каленчук*. О делимитативной функции фонем // Проблемы фонетики. IV. Сб. статей / Отв. ред. Р.Ф. Касаткина. М., 2002.
Касевич 2002 – *В.Б. Касевич*. Еще о понятии фонетического слова // Проблемы фонетики. IV. Сб. статей / Отв. ред. Р.Ф. Касаткина. М., 2002.
Марузо 1960 – *Ж. Марузо*. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.
Матвеев 1995 – *А.К. Матвеев*. Гортанная смычка в русских говорах Припелымья // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры уральского государственного университета. 1994. Екатеринбург, 1995.
Панов 1979 – *М.В. Панов*. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.
Поливанов 1928 – *Е.Д. Поливанов*. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928.
Потебня 1879 – *А.А. Потебня*. Разбор сочинения П. Житецкого “Очерк звуковой истории малорусского наречия”. Киев, 1876 г. // Зап. имп. Академии наук. Приложения к XXXIII. СПб., 1879.
Реформатский 1957 – *А.А. Реформатский*. Фонологические заметки // ВЯ. 1957. № 2.
Селищев 1968 – *А.М. Селищев*. Избранные труды. М., 1968.
Селищев 2001 – *А.М. Селищев*. Старославянский язык. М., 2001.
Сепир 1934 – *Э. Сепир*. Язык. Введение в изучение речи. М.; Л., 1934.
Сепир 1993 – *Э. Сепир*. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
Трубецкой 2000 – *Н.С. Трубецкой*. Основы фонологии. М., 2000.
Черных 1954 – *П.Я. Черных*. Историческая грамматика русского языка. М., 1954.
Шайкевич 1995 – *А.Я. Шайкевич*. Введение в лингвистику. М., 1995.
Щерба 1957а – *Л.В. Щерба*. Фонетика французского языка. М., 1957.
Щерба 1957б – *Л.В. Щерба*. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов / Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
Щербакова 2004 – *Л.А. Щербакова*. “Парадокс Гвоздева” в фонологическом аспекте // Проблемы современного филологического образования. Межвузовский сборник научных статей. Вып. 5. М.; Ярославль, 2004.